

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П80

Прокудин, Николай Николаевич.
П80 Панджшерский узник / Николай Прокудин,
Александр Волков. — Москва : Эксмо, 2019. —
320 с.

ISBN 978-5-04-100260-2

Николай Прокудин — майор, участник войны в Афганистане, воевал в 1985–1987 гг. в 1-м мотострелковом (рейдовом) батальоне 180-го мотострелкового полка (Кабул). Участвовал в 42 боевых операциях, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, награжден двумя орденами «Красной Звезды». Участник операций против сомалийских пиратов в зоне Индийского океана в 2011–2018 гг., сопровождал в качестве секьюрити 35 торговых судов и прошел более 130 тысяч морских миль.

Александр Волков — писатель, публицист, драматург.

• Они нашли друг друга и создали творческий тандем: боевой офицер, за плечами которого десятки опаснейших операций, и талантливый прозаик.

• Результат их творчества — отличные военно-приключенческие романы, которых так долго ждали любители художественной литературы в жанре милитари!

• Великолепный симбиоз боевого опыта, отваги и литературного мастерства!

Рядовой советской армии Саид Азизов попал в плен к душманам. Это случилось из-за того, что афганские сарбозы оказались предателями и сдали гарнизон моджахедам. Избитого пленного уволокли в пещеры Панджшерского ущелья, о которых ходили жуткие слухи. Там Саида бросили в глубокую яму. Назвать условия в этой яме нечеловечески — значит, не сказать ничего. Дно ямы было липким от крови и разлагающихся останков. Солдата методично вывокли на допросы и жестоко избивали. Невероятным усилием воли и самообладания Азизов сохранял в себе желание жить и даже замыслил побег. И вот как-то подвернулся невероятный случай...

В основу романа положены реальные события.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Прокудин Н.Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100260-2

ПРОЛОГ

— Азизов, спишь? — раздался снизу голос.

— Никак нет, товарищ прапорщик, — отозвался Саид, стараясь говорить бодро. — Все в порядке.

— Ты там не прыгай, вышку развалишь, — усмехнулся Рахманкулов.

Попрыгать очень хотелось. Ночь была лунная, холодная. Озноб забирался под ватный бушлат, в сапоги. Казалось, что портянки мокрые, так заledenели пальцы на ногах. Но если прыгать, то наблюдательная вышка начинает раскачиваться и скрипеть, поэтому приходится просто стискивать зубы и сдерживать дрожь.

Что-то мелькнуло справа возле высокой глинобитной стены дувала. Саид тут же повернул голову и взялся за рукоятку пулемета. Отскочив от стены, сухой круглый пучок перекати-поля полетел дальше по сухим камням афганской степи. Здесь, в Пишгоре, все было очень похоже на Таджикистан. Такие же горы,

небо, трава. Даже афганский фарси практически как родной таджикский. Но, несмотря на то что Саид чувствовал себя почти как дома, тоска по нему не становилась меньше. Отец, мать, квартира в Душанбе на зеленом проспекте Рудаки. А еще техникум, друзья, девчонки. Но больше всего Саид грустил оттого, что здесь все напоминало окрестности кишлака Пичандар, куда студентов техникума отправляли помогать на чайных плантациях.

Лайло... Она умела так смотреть, что после ее взгляда Саид всю ночь не мог заснуть. Сначала он просто ловил ее взгляд, когда она проходила мимо с другими девчонками-старшеклассницами и смотрела на него, высокого, спортивного парня, обжигая своими темными глазами. А по ночам, лишившись сна, он думал только о рассвете, когда они снова выйдут все вместе на работу и он увидит ее.

Когда Саид, наконец, решился взять ее за руку, Лайло буквально ошпарила его взглядом. Он и забыл, что в горных аулах все не так, как в современном Душанбе. Там девушки не ходят на танцы, на свидания с парнями. К ним нельзя даже прикасаться. Там девушки не выщипывают себе брови, потому что аккуратно выщипанные брови — это признак замужней женщины. Многое там было совсем не так, как в городе...

ПАНДЖШЕРСКИЙ УЗНИК

В лунном свете пыль, поднятая колесами машин, была плохо видна. И если бы часовой на вышке стоял и задумчиво пялился только в одну сторону, то машины подошли бы к самим дувалам почти незаметно. Но Саид к службе относился серьезно. Он вглядывался в ночь, стараясь не пропустить постороннего движения, даже звука. Афганцы были ненадежными союзниками, и полагаться на них никак нельзя. Саид схватил трубку полевого телефона, протянутого на вышку:

— Товарищ прапорщик, пост номер два, рядовой Азизов! Машины! Вижу две. Едут к нам со стороны перевала! Два грузовика, может, и больше.

Ночью, грузовики... с потушенными фарами? Саид услышал, как Рахманкулов, еще не положив трубки, скомандовал:

— Подъем! Тревога!

Теперь к ознобу от холода добавилась нервная дрожь. Нет, не от страха. Саид был готов стрелять, он просто волновался, что может не суметь проявить себя настоящим воином. Как наказывал ему отец.

ГЛАВА 1

— Сынок! — Мать приложила уголок платка к глазам, но удержалась, не заплакала.

— Что, мама? — улыбнулся Саид и обнял мать. — Повестка, да? В военкомат?

Она обняла сына и прижалась к его груди головой. Вот и вырос ее сынок. Вон какой высокий, стройный. Пришло время в армию идти, солдатом становиться, а материнскому сердцу не прикажешь, все хочется, чтобы сыночек рядом был, чтобы накормить его повкусней, перед сном подушку поправить, полюбоваться на него, когда он спит. Спокойный, красивый. Весь в отца.

Старый Асатулло стоял в дверях и смотрел на жену и сына. Он не мешал, понимал чувства женщины. Отцу было уже 62 года. Он прошел Великую Отечественную войну — воевал в легендарной 61-й таджикской кавалерийской дивизии. Вернулся, поднимал промышленность в республике. Выучился на инженера. Первая

жена умерла во время родов. Второй раз женился поздно, взяв из горного кишлака девушку, у которой все родственники погибли на войне. Так и прожили они с Гюльзар душа в душу четверть века. Да только Аллах дал им всего одного сына, но на то и воля его. Растили, воспитывали, а теперь... Теперь пришел черед Саида становиться мужчиной.

— Ну, вот, сын! — торжественно проговорил отец, входя в комнату. — Пришла пора и тебе сменить старших и взять в руки оружие.

Мать повернулась на голос мужа и тут же отступила в сторону. Когда говорят мужчины, женщине следует помалкивать. Но Асатулло подошел к ней и, обняв за плечи, прижал к себе. Родители смотрели на сына с нежностью и затаенной гордостью. Саид смутился и опустил глаза. Гордиться им родителям пока еще нет причин. Что он успел в жизни? Да и не старался особенно чего-то успевать. Рос, как все мальчишки, учился в школе, окончил техникум, поступил в Политехнический институт, отучился первый курс. И вот теперь — армия. Но это же без его желания, почти все здоровые парни в этом возрасте идут в армию. Эх, жаль, не удалось получить высшее образование, но раз так велит Родина...

— Я верю, что ты станешь настоящим джигитом, Саид, — сказал отец. — Я четыре года в седле защищал нашу огромную страну. Помни, ты — таджик, тут твой дом, но Родина у нас одна, одна большая страна, от океана и до океана. Ты не будешь ездить на коне, у тебя будет другая служба. Все изменилось, и армия теперь другая. Но ты все равно должен оставаться джигитом и служить так, чтобы не опозорить своего отца, своих предков.

— Я постараюсь, отец! — кивнул Саид.

— Нет, сынок, — строго покачал головой Асатулло. — Ты не постарайся, ты только так и будешь служить. Честно отслужив, вернешься — доучишься...

На следующий день дома устроили праздник — проводы. Пришли соседи, родственники, приехали даже две сестры матери из горного кишлака. Это событие — сын становится мужчиной и уходит в армию! Даже в мирное время молодого таджика провожали как на войну, только слез было меньше. Да и нельзя женщинам плакать, когда мужчины говорят важные слова и напутствия. Саид крепился и старался держаться за столом солидно. Кивал старикам, давал обещания. Вот только глаза отца ему не нравились, было в них что-то,

ПАНДЖШЕРСКИЙ УЗНИК

какая-то затаенная боль или страх. Молодой человек не знал, что накануне всезнайка-сосед, работавший водителем в райвоенкомате, по секрету поведал Асатулло о предназначении их призывной команды: учебный центр по подготовке солдат к службе в Республике Афганистан. Жене он ничего не сказал, не стал заранее расстраивать.

Гости давно разошлись. Саид стоял на балконе и смотрел на зеленые кроны деревьев, освещенных снизу уличными фонарями, на проезжающие по проспекту редкие машины. Жара спала, тело обдувал легкий прохладный ветерок, а мысли уносили Саида уже далеко, к тем местам, где ему, возможно, придется служить. Сколько нового он узнает, со сколькими людьми познакомится! Наверное, это даже хорошо, что так принято в Советской армии, все служили не в своей области или республике, а далеко от дома. Можно посмотреть мир. Но одна грусть все же оставалась. Лайло! Ее карие глаза светили ему в ночи, ее голос он слушал как музыку звезд. Два года он не увидит девушку. Но ведь он может ей писать, если не запретят ее родители.

— Сынок! — Асатулло вышел на балкон в накинутаой на плечи пижамной куртке и встал

рядом с Саидом, облокотившись локтями на перила.

«Как постарел отец, — подумал юноша с грустью. — А я и не обращал внимания, не присматривался, занятый своими делами, своей жизнью». Только теперь, в преддверии долгой разлуки, Саид вдруг понял, что очень любит своих родителей, свой дом. И что ему семьи будет очень не хватать во время службы. Но отец вдруг положил ему руку на плечо и заговорил:

— Я знаю, мой мальчик, что ты любишь девушку из кишлака Пичандар. Ее зовут Лайло.

— Откуда, отец?

— Помолчи, сынок! — властно, но как-то грустно велел Асатулло. — Помолчи и послушай. Я ездил туда. Там в кишлаке есть один хороший знакомый. Мы с ним когда-то работали вместе, теперь он уже давно на пенсии. Уважаемый человек!

Саид слушал и ждал. Отец еще ничего не сказал, но сердце молодого человека стало сжиматься от предчувствия неприятного конца этого рассказа. Что-то рушилось в его сознании, исчезало привычное состояние. А может, все дело в повестке, может, он чувствует приближающиеся изменения в своей судьбе? Детство кончилось, вот в чем дело. Эта непри-

ятная, но волнующая мысль четко сформировалась в голове, и, поняв, осознав ее смысл, Саид выпрямился, как будто хотел пошире расправить плечи и выглядеть как мужчина.

— Я поговорил с ним, расспросил о семье Лайло. Это очень хорошая семья, я рад, что ты полюбил девушку из такой семьи, но наши традиции, которые нам оставили наши предки, они, увы, сильнее.

— Что случилось? — не выдержал Саид. — Если ты узнал что-то о Лайло, что может бросить на нее тень, что-то, что угрожает чести рода, я все равно не отступлюсь...

— Отступишься, — хмуро ответил отец. — У Лайло есть жених. Родители давно договорились об этом. Его зовут Шавкат Рахимов, они с детства играли вместе и в школе вместе учились. Их отцы были большими друзьями. И когда отец Шавката погиб на строительстве дороги в горах, то отец Лайло заменил его парню. Они поженятся, когда им исполнится двадцать один год. Так было договорено. Шавкат должен отслужить в армии, получить профессию, чтобы он смог содержать семью.

— Но это же средневековье, дикость!

— Так было принято у нашего народа, — строго напомнил Асатулло. — Это было правильно всегда, будет так и дальше. Если мы не

будем чтить завещанного предками, то наш мир кончится и память о нем превратится в пыль.

Саид стоял и чувствовал, что балкон уходит из-под его ног. Даже дом как будто покачнулся. Лайло! Не может такого быть, так не должно быть! Сильная рука отца вернула молодого человека на землю из полета в своих скорбных мыслях. Он тряхнул сына и резко бросил ему в лицо:

— Ты — мужчина! Не забыл об этом? А что мужчина обязан желать на этой земле? Защищать свой дом и свой род. Дом — это женщины и дети, это твой кров, который ты должен передать по наследству, а твой род — это честь твоих предков, их память, честь твоего отца. Ты не принесешь позора в свой дом и не опозоришь девушку только потому, что захотел завладеть ею, а ее родители были против. Если ты мужчина, ты должен заботиться о чести того, кого любишь. Это все!

Первые лучи солнца уже несмело заглядывали в окна казармы. Саид, несмотря на усталость первых месяцев службы, научился просыпаться за несколько минут до подъема. Сладкие минуты, когда еще можно понежиться в кровати, зная точно, что у тебя

есть эти десять минут. Твои, и никто их не отнимет. А потом раздадутся шаги дежурного по роте, зажжется свет, и громкий голос командует:

— Рота, подъем!

Вот и наступил этот миг.

И тут же затопали десятки ног, полетели на спинки кроватей одеяла. Голоса командиров отделений торопили солдат, подгоняли не-радивых. Меньше минуты прошло, когда вся рота наконец замерла в едином строю у стены, напротив кроватей. Здоровенный старший сержант Фархадов, поигрывая мышцами под вылинявшей серо-синей солдатской майкой, вывел роту из казармы на плац, и начались солдатские будни. Сначала пробежка вокруг городка, потом на плацу утренняя зарядка, потом умывание, заправка постелей. Перед завтраком предстоит еще утренний осмотр, на котором придиричивые сержанты проверят и подворотничок, и чистоту бритья, и начищенность бляхи ремня, и наличие ниток и иголок в головном уборе. Затем политинформация и завтрак.

— Слушай, Саид! — Таджибеев встал рядом с обувной щеткой в руке. — А правда говорят, что в Афганистан берут только добровольцев?